

«Левада» Владимира Нарбута: опыт дешифровки сложного стихотворения

© 2023, О.А. Лекманов

Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека,
Ташкент, Узбекистан

Аннотация: В статье выявляются гоголевские подтексты и реминисценции в стихотворении Владимира Нарбута «Левада» (ранняя редакция 1910 г., переработано, вероятно, в 1930-е). Сам поэт в 1913 г. склонен был возводить родословную своего художественного метода к Гоголю и называл себя «виевцем». Топика и поэтический словарь стихотворения во многом восходят к повестям «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и «Миргорода», но в нем угадываются отсылки и к другим гоголевским текстам, вплоть до «Выбранных мест из переписки с друзьями». Украина Гоголя предстает в «Леваде» желанным краем красоты, изобилия и силы, она проступает как константа сквозь будничную и часто пугающую и отталкивающую картину современного упадка страны.

Ключевые слова: Владимир Нарбут, Н.В. Гоголь, Украина, поэтический словарь, художественные реминисценции, анализ поэтического текста.

Информация об авторе: Олег Андершанович Лекманов — доктор филологических наук, профессор, Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, Университетская ул., д. 4, Ташкент, 100174 г. Ташкент, Узбекистан.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0784-5930>E-mail: lekmanov@mail.ru

Для цитирования: Лекманов Олег. «Левада» Владимира Нарбута: опыт дешифровки сложного стихотворения // Литературный факт. 2023. № 3 (29). С. 266–279. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-29-266-279>

Стихотворение «Левада» было впервые опубликовано в марте 1911 г. в восьмом номере журнала «Gaudeamus». Впоследствии Нарбут его радикально переделал и дополнил. Этот, более поздний вариант, и будет подробно рассмотрен в нашей статье (текст стихотворения: [4, с. 116–118]).

«Левада» не обойдена вниманием исследователей и комментаторов¹. Тем не менее, и общий смысл стихотворения, и некоторые его загадочные строки, по-прежнему, остаются не проясненными. Задача нашей статьи — предложить ключ к пониманию как «Левады» в целом, так и ее темных строк.

Сразу же нужно отметить, что ключ этот содержится в самом стихотворении, причем Нарбут и не думает прятать его от читателя. Уже во второй строфе упоминается главный герой повести Гоголя «Вий» Хома Брут, а в пятой — сам Гоголь. При этом в роли нового Хома выступает «я» стихотворения, что, как кажется, позволяет увидеть в авторе «Левады» не только гоголевского персонажа, но и «нового Гоголя», глядящего на современную ему Украину гоголевскими глазами и пользующегося целым арсеналом гоголевских слов и словечек. И совпадения с Гоголем, и зазоры с его видением Украины оказываются для стихотворения «Левада» первостепенно важными.

В ходе дальнейшего анализа могут возникнуть закономерные сомнения в том, действительно ли все предлагаемые нами параллели между стихотворением Нарбута и гоголевскими текстами убедительны. Ведь у автора «Левады», в отличие от нас, не было под рукой интернета с его поисковыми возможностями. Ответом на эти сомнения, кроме прямых упоминаний в «Леваде» о Гоголе и его персонаже, могут послужить две самоаттестации Нарбута из его писем к Михаилу Зенкевичу 1913 г. Первая — из письма от 7 июня: «...мы — и не акмеисты, пожалуй, а — *натуралисто-реалисты*. Бодлер и Гоголь, Гоголь и Бодлер!!!! — Не так ли? Конечно, так! Ура, Николай Васильевич!» [1, с. 240]. Вторая — из письма от 17 декабря: «Ведь мы с тобой — *виевцы* (принимая “Вий” за единицу настоящей земной, земляной жизни)» [1, с. 243].

* * *

Попробуем теперь, вооружившись гоголевским ключом, внимательно, строфа за строфой, прочитать интересующее нас стихотворение.

Его название — украинизм, который в «Словаре української мови» под редакцией Б. Гринченко разъясняется следующим образом: «Окопанное или огороженное место для сенокоса вблизи

¹ См.: Бялосинская Н., Панченко Н. Примечания [4, с. 408–409; 3].

усадьбы» [4, т. 2, с. 349]. В корпусе украинских текстов Гоголя это слово встречается дважды — в повестях «Иван Федорович и его тетушка» («Ты знаешь тот лесок, что за нашею *левадою*...») [2, с. 215]² и «Заколдованное место» («Ну, так! не говорил ли я, — подумал дед, — что это попова *левада*?») [2, с. 222].

В стихотворении Нарбута левада предстает как раз заколдованным местом и одним из символов Украины.

Увидеть это помогает уже первая строфа:

Ой, левада несравненная
Украинския земли!
Что мне Рим? И что мне Генуя,
Корольки и короли?

Нарбут сразу же задает пространственный масштаб для левады, не только сравнивая ее с городом-государством (Римом) и большим итальянским городом (Генуей), но и почти прямо объявляя леваду метонимией всей Украины.

Взгляд на первую строфу сквозь гоголевскую призму отчетливо выявляет в ней полемику с любимым нарбутовским прозаиком, который, как известно, от изображения красот Украины в пору писательской зрелости перешел к воспеванию Италии. В отрывке «Рим» Гоголь уделил особое внимание не только итальянской столице, но и Генуе:

Трудно было изъяснить чувство, его обнявшее при виде первого итальянского города, — это была великолепная Генуя! В двойной красоте вознеслись над ним ее пестрые колокольни, полосатые церкви из белого и черного мрамора и весь многобашенный амфитеатр ее, вдруг обнесший его со всех сторон, когда пароход пришел к пристани. Никогда не видал он Генуи. Эта играющая пестрота домов, церквей и дворцов на тонком небесном воздухе, блиставшем непостижимою голубизною, была единственна. Сошедши на берег, он очутился вдруг в этих темных, чудных, узеньких, мощенных плитами улицах, с одной узенькой сверху полоской голубого неба. Его поразила эта теснота между домами высокими, огромными, отсутствие экипажного стуку, треугольные маленькие площадки и между ними, как тесные коридоры, изгибающиеся линии улиц,

² Курсив в цитатах из Гоголя везде наш.

наполненных лавочками генуэзских серебрянников и золотых мастеров. Живописные кружевные покрывала женщин, чуть волнующие теплым широко; их твердые походки, звонкий говор в улицах; отворенные двери церквей, кафельный запах, несшийся оттуда, — все это дуло на него чем-то далеким, минувшим. Он вспомнил, что уже много лет не был в церкви, потерявшей свое чистое высокое значение в тех умных землях Европы, где он был. Тихо вошел он и стал в молчании на колени у великолепных мраморных колонн, и долго молился, сам не зная за что, — молился, что его приняла Италия, что снизошло на него желание молиться, что празднично было у него на душе, и молитва эта, верно, была лучшая. Словом, как прекрасную станцию унес он за собою Геную: в ней принял он первый поцелуй Италии [2, с. 390–391].

Но откуда в последней строке первой строфы стихотворения «Левада» появились «корольки и короли»? Ответить на этот вопрос позволяет сличение итоговой редакции стихотворения Нарбута с более ранней, из журнала «Gaudeamus», в которой из Италии читатель стремительно переносился во Францию:

Ой, левады пенносенныя
Украинския земли
Что мне Рим? И что мне Генуя
И в Версале короли? [4, с. 409]

У последней строки первой строфы этого варианта стихотворения Нарбута, возможно, тоже имеется гоголевский подтекст — фрагмент из его письма к матери от 15 февраля 1837 г.:

Я более полуторы недели не думаю оставаться в Париже. Болезнь в Италии давно прекратилась, и время становится благоприятным для путешествия. Я в Париже все обсмотрел уже, что есть замечательного. Успел побывать и в Версале (в 25 верстах от Парижа), этом великолепном обиталище французских королей, составляющем большой город (около 50 тысяч душ). Дворец, сады, парки без всякого сравнения великолепнее нашего Царского Села и построены с большим вкусом³.

³ Письма Н.В. Гоголя / ред. В.И. Шенрок: в 4 т. СПб.: А.Ф. Маркс, 1901. Т. 1. С. 430. В.Г. Беспрозванный указывает на подтекст из Григория Сковороды в строке Нарбута о Версале [7, р. 189]. Приношу глубокую благодарность В.Г. Беспрозванному за замечания, дополнения и уточнения, высказанные при обсуждении моей статьи.

Для Нарбута «несравненными» оказываются не воспеваемые Гоголем красоты Европы, а красота левады-Украины.

Во второй и третьей строфах стихотворения, как мы уже отмеча-ли, отсылки к Гоголю из подтекста переносятся в текст:

В косовицу (из-за заработка)
 В панские пойду дома.
 Спросит девушка у парубка:
 — Кто вы?
 — Брут.
 — А звать?
 — Хома.

Усмехнется темно-розовым
 Ртом — и спрячется в дверях.
 И уйду Хомой-философом,
 Весельчак и вертопрах.

Косовица (косовица) — еще один украинизм, который в словаре Б. Гринченко определяется так: «Время уборки сена» [4, т. 2, с. 291]. Слово это отыскивается в письме Гоголя к матери от 29/17 июня 1836 г. из Гамбурга: «Напишите, что делается теперь у вас: началась ли *косовица*, каково идет, хороши ли травы и хорош ли хлеб?»⁴. Встречается у Гоголя и не самое употребительное существительное «вертопрах»: «Ну, что было в этом *вертопрахе* похожего на ревизора?» («Ревизор») [2, с. 621].

Однако важнее обратить внимание на второй и вполне гоголевский символ Украины в этих двух строфах — Украина подменяется в них девушкой, кокетничающей с парнем (далее девушка тоже по-гоголевски превратится в страшную ведьму).

В следующей, четвертой строфе «Левады» начинается сказочно-ведьмовское преображение обыденной площадки для сенокоса в «заколдованное место». Заурядная птица в этой строфе предстает то ли земноводным, то ли пресмыкающимся чудовищем:

Иволга визжит средь зелени, —
 Нет, не птицы *так* поют.
 Крокодил торчит в расселине:
 Ящеричный там приют.

⁴ Письма Н.В. Гоголя / ред. В.И. Шенрок: в 4 т. Т. 1. С. 387.

Параллель к этой строфе обнаруживается в статье Гоголя «О малороссийских песнях»:

Но лучшие песни и голоса слышали только одни украинские степи: только там, под сенью низеньких глиняных хат, увенчанных шелковицами и черешнями, при блеске утра, полудня и вечера, при лимонной желтизне падающих колосьев пшеницы, они раздаются, прерываемые одними степными чайками, вереницами жаворонков и *стенящими иволгами* [2, с. 99].

Преображение украинской левады в царство зловещих экзотических существ продолжено в пятой-седьмой строфах «Левады», где насекомое медведка (максимальный ее размер — восемь сантиметров), откладывающая яйца, называется «гадом» и «земляным раком»:

Свинтусу расстаться с лужею
Очень, очень не легко:
Дышит грудью неуклюжею,
Набирает молоко.

Супоросая!.. Под веткою
(Глубоко от клюва птиц)
Гадом, лысою медведкою,
Сотня сложена яиц.

Пресмыкайся, земляной рак,
Созревай, яйцо-икра!
Мох — не мох, а мягкий войлок:
Яйца высидеть пора.

Медведка у Гоголя не упоминается ни разу, однако в пятой, а также в зачине шестой строфы возникает характерно гоголевский образ супоросой (т. е. — беременной) свиньи — еще одного, сниженного символа изобильной Украины в стихотворении. Свиньи изображаются во многих украинских повестях Гоголя (в т. ч., в «Вие»), а в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» важную роль играет именно супорос(н)ая свинья: «... чтоб на главной улице, на площадь втесалась *супоросная свинья*, это такое дело...» [2, с. 319]. В.Г. Беспрозванный подсказал нам, что

к предисловию к гоголевским «Вечерам на хуторе близ Диканьки», может быть, восходит само слово «свинтус», представляющее собой образец бурсацкого жаргонизма: «...один школьник, учившийся у какого-то дьяка грамоте, приехал к отцу и стал таким латыньщиком, что позабыл даже наш язык православный. Все слова сворачивает на ус. Лопата у него — лопатус, баба — бабус» [2, с. 136]⁵.

В восьмой, трехстрочной и как бы оборванной строфе «Левады» Нарбут прямо ссылается на Гоголя:

Сколько кочек! Их не трогали,
Их не тронут косари:
Пусть растут, как и при Гоголе...

Еще Р.Д. Тименчик в давней статье отметил, что здесь «реминисцируется фраза из “Вия”» [6, с. 311]:

За плетнем, служившим границею сада, шел целый лес бурьяна, в который, казалось, никто не любопытствовал заглядывать, и коса разлетелась бы вдребезги, если бы захотела коснуться лезвием своим одеревеневших толстых стеблей его [2, с. 303].

В девятой строфе, отчасти по контрасту с пятью предшествующими, интонация стихотворения меняется на торжественную (как уже было в первой строфе):

Ты со мной поговори,
Украина!
Конским волосом,
Бульбой был бунчук богат...
Отчего же дочка голосом
Кличет маму из-за хат,
Пробираясь наугад
Меж крапив и конопляников?
А на ярмарке — одёж
Для красуль, монист и пряников
Тоже прежних не найдешь...

Бунчук в словаре Б. Гринченко определяется как «один из знаков гетманского достоинства: древко с металлическим яблоком на конце,

⁵ У Гоголя существительное «свинтус» употребляется в переносном значении (в «Мертвых душах»: [2, с. 433]).

под которым свешивался лошадиный хвост» [4, т. 1, с. 111]. Бульба, согласно словарю, это «водяной, мыльный пузырь» [4, т. 1, с. 109]. Очевидно, что в стихотворении «Левада» под бульбой подразумевается металлическое яблоко на конце бунчука. Ясно и то, почему Нарбут заменяет яблоко именно бульбой. Использованный в четвертой строке девятой строфы глагол «был» явно указывает на славное историческое прошлое Украины, о котором подробно рассказывается в повести Гоголя «Тарас Бульба». Упоминаются в этой повести и бунчуки:

Восемь полковников вели двенадцатитысячные полки. Два генеральные есаула и генеральный бунчужный ехали вслед за гетьманом. Генеральный хорунжий предводил главное знамя; много других хоругвей и знамен развевались вдаль; бунчуковые товарищи несли *бунчуки* [2, с. 186].

Во второй части девятой строфы «Левады» славному прошлому Украины противопоставляется ее настоящее. Вместо пышной картины военного парада, метонимически представленного бунчуком, изображается «дочка», которая «кличет маму из-за хат». Эти строки, как подсказал нам Р.Г. Лейбов, восходят не к Гоголю, а к поэме Тараса Шевченко «Катерина» (1838), где рассказывается о печальной участи украинской девушки, соблазненной и брошенной русским парнем:

Не слухала Катерина
 Ні батька, ні неньки,
 Полюбила москалика,
 Як знало серденько.
 Полюбила молодого,
 В садочок ходила,
 Поки себе, свою долю
 Там занастила.
 Кличе мати вечеряти,
 А донька не чує;
 Де жартує з москаликом,
 Там і заночує⁶.

⁶ Кобзарь Тараса Шевченка. Львів: С друк. Товариства імени Шевченка, 1893. Ч. 1. С. 57–58.

Нарбут использует тот же глагол «кличет», что и Шевченко, только у него не мать кличет дочь, а дочь призывает мать.

В финале девятой строфы стихотворения Нарбута тема жалкого положения современной Украины вновь оркеструется скрытыми отсылками к Гоголю: если в старину украинские ярмарки изобиловали товарами, способными удовлетворить вкус самых привередливых красавиц, то на современных ярмарках товаров «прежнего» качества уже не найдешь. Читатель, воспринимающий стихотворение «Левада» сквозь гоголевскую призму, неизбежно вспоминает тут о гоголевской повести «Сорочинская ярмарка», во второй главе которой в перечне ярмарочных товаров упоминаются и «пряники» [2, с. 138]. В нескольких украинских повестях Гоголя в качестве украшения женщины фигурирует монисто [2, с. 149, 155, 156, 165, 180, 191, 205, 238].

В зачине десятой строфы стихотворения Нарбута тема угасания величия Украины, начатая в предыдущей строфе, воплощается через образ стареющей женщины:

Украина! Ты не та уже,
Все кругом в тебе не то...
На тебе — очипок: замужем!
Пусто молоко: снято!..

Очипок из третьей строки, это «головной убор замужней женщины — вроде чепчика» [4, т. 3, с. 82]. У Гоголя очипок как примета замужней женщины упоминается в повестях «Сорочинская ярмарка» [2, с. 138, 139], «Вечер накануне Ивана Купала» [2, с. 153] и «Вий» [2, с. 293, 298]. А соседняя со строкой об очипке строка о «молоке», «которое снято», провоцирует читателя вспомнить о супоросой свинье из пятой строфы стихотворения, копившей молоко для еще не родившихся поросят⁷.

Нелишним будет отметить, что в повести Гоголя «Вий» одно из упоминаний об очипке [2, с. 293], как и в стихотворении Нарбута «Левада», соседствует с развернутым описанием катания Хомя Брута лунной ночью на горбу страшной ведьмы. У Нарбута это описание, безусловно, восходящее к повести Гоголя, разворачивается во второй половине десятой строфы и в начале следующей:

⁷ По наблюдению В.Г. Беспрозванного, строка «Пусто молоко: снято» содержит эротическую метафору.

Как же быть Хоме с левадою,
 Парубку: косить траву?..
 Бурсаком на горб я падаю —
 В лунном бреде, наяву.

Подыму полено медленно,
 Стану бить по масти ведьминой —
 От загривка до бедра...

Сравним в «Вие»:

Обращенный месячный серп светлел на небе. Робкое полночное сияние, как сквозное покрывало, ложилось легко и дымилось на земле. <...> Такая была ночь, когда философ Хома Брут скакал с непонятым всадником на спине. <...> Наконец с быстротою молнии выпрыгнул из-под старухи и вскочил, в свою очередь, к ней на спину. Старуха мелким, дробным шагом побежала так быстро, что всадник едва мог переводить дух свой. Земля чуть мелькала под ним. Все было ясно при месячном, хотя и не полном свете. Он схватил лежавшее на дороге полено и начал им со всех сил колотить старуху. После нескольких ударов заметил он, что бег ее становился медленнее и медленнее. Философ сгоряча крестил ее еще более. Наконец ведьма была не в силах переносить ударов, зашаталась и упала. <...> Вставши на ноги, он взглянул на лежавшую на земле и едва дышавшую ведьму — и сам не мог растолковать своего чувства: он видел, что в лице ее показались молодые черты, сверкнула снежная белизна и как будто бы она была уже вовсе не старуха: какая-то приятная и вместе неприятная мина показалась на губах ее и врезалась ему в самое сердце. Он чувствовал что-то похожее на жалость, но не захотел и минуты оставаться и скорее направил путь свой в город, раздумывая об этом странном происшествии [2, с. 292–293].

Эта более чем отчетливая перекличка стихотворения с повестью, как представляется, позволяет понять, зачем Нарбуту в стихотворении «Левада» понадобилось *переписывать* Гоголя. Сегодняшняя Украина видится автору «Левады» в образе старухи-ведьмы, безвозвратно утеравшей бóльшую часть своего прежнего обаяния. Но сквозь этот безобразный лик, как и у Гоголя, проступают «молодые черты» Украины-девушки, которые врезаются «я» стихотворения и его автору «в самое сердце».

В двух последних строках одиннадцатой строфы стихотворения речь вновь заходит о прошлом Украины, причем гоголевское в этих строках подсвечивается автобиографическим, нарбутовским:

В Глухове, в Никольской, гетмана
Отлучили от Петра...

Подразумевается анафема, которой гетман Мазепа был предан 12 ноября 1708 г. в присутствии царя Петра I. По преданию, это произошло в церкви Св. Николая в городе Глухове⁸. Глухов дважды упоминается в гоголевском «Тарасе Бульбе» («...не одна останется вдова в Глухове, Немирове, Чернигове и других городах» [2, с. 274]; «Отвсюду поднялись казаки: от Чигирина, от Переяслава, от Батурина, от Глухова, от низовой стороны днепровской и от всех его верховий и островов» [2, с. 286]) и один раз — в «Страшной мести»: «В городе Глухове собрался народ около старца-бандуриста, и уже с час слушали, как слепец играл на бандуре» [2, с. 203]. Прочитанный фрагмент из «Страшной мести» Нарбут выбрал в качестве эпиграфа к разделу «В городе Глухове», который должен был войти в его книгу стихов «Спираль»⁹. Сам поэт родился на хуторе Нарбутовка Глуховского уезда и окончил в Глухове гимназию.

В двенадцатой–тринадцатой строфах стихотворения поэт возвращает читателя в ситуацию второй и третьей строф, сигналом чего служит зачин двенадцатой строфы («А теперь...»):

А теперь — играй ресницами
Перед свежим женским ртом
Там, за бойней, за резницами,
Где мелкопоместный дом.

А теперь — косою, жаркою
От песка (с водой лохань),
Парубок, по травам шаркаю.
Подле — реченька Есмань...

⁸ См. гоголевский набросок под условным названием «Размышления Мазепы», впервые опубликованный П.А. Кулишом в «Записках о жизни Гоголя» (СПб., 1856. Ч. I. С. 128–129; параллель подсказана нам В.Г. Беспрозванным).

⁹ См. примеч. Н. Бялосинской и Н. Панченко: [4, с. 405].

Украинизм «різниці» в словаре Б. Гринченко расшифровывается как «бойни, скотобойни» [4, т. 4, с. 23]. А в последней строке тринадцатой строфы вновь возникает автобиографическая тема, проявленная через гидроним. Город Глухов стоит на реке Есмань (Эсмань).

Понять смысл финальной, четырнадцатой строфы стихотворения Нарбута, на наш взгляд, тоже помогает выявление гоголевского подтекста:

Ой, левада!
 Супоросого
 Края бульбу держишь ты...
 Доведешь ты и философа
 До куриной слепоты!

В начале строфы Нарбут соединяет в одной картинке несколько ключевых образов стихотворения, до этого встречавшихся по отдельности. «Левада» предстает держательницей «бульбы», которая, как напомнил нам В.Г. Беспрозванный, означает не только пузырь, но и клубень/луковицу — устойчивый символ плодородия. Поэтому Украина и названа в заключительных строках стихотворения «супоросым», т. е. изобильным и плодовитым «краем».

А две заключительные строки стихотворения «Левада», как представляется, восходят к следующему фрагменту гоголевских «Выбранных мест из переписки с друзьями»:

Жизнь нужно показать человеку, — жизнь, взятую под углом ее нынешних запутанностей, а не прежних... <...> Велико незнание России посреди России. <...> Очнитесь! *Куриная слепота на глазах ваших!* <...> Потому и любимо так сильно дитя матерью, что она долго его носила в себе, все употребила на него и вся из-за него выстрадалась. Очнитесь! Монастырь ваш — Россия! [2, с. 827]¹⁰.

Итак, для Владимира Нарбута как автора стихотворения «Левада» Украина гоголевского времени и времени, описываемого Гоголем, — это тот легендарный край изобилия и воинской славы, с которым он сопоставляет нынешнюю, пришедшую в упадок Украину. Если вслед за В.Г. Беспрозванным предположить, что раннюю редакцию

¹⁰ В этом фрагменте имплицитно тоже присутствует тема выкармливания молоком — вслед за упоминанием о беременности матери говорится о том, что мать «употребила на» ребенка «все и вся».

стихотворения Нарбут обновлял в 1930-е гг. — в страшные годы голодомора, противопоставление изобильной «гоголевской» Украины и голодающей современной Украины (Украины первой редакции стихотворения и Украины второй редакции) станет предельно ясным и трагическим. Но подобно тому, как гоголевский Хома Брут в облике страшной старухи угадал черты прекрасной девушки, Нарбут в нынешней Украине угадывает черты прежней.

Литература

1. Владимир Нарбут. Михаил Зенкевич. Статьи. Рецензии. Письма. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 330 с.
2. *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. / под ред. П.В. Быкова. СПб.; М.: Изд. т-ва М.О. Вольф, 1910. XXVIII, 968 с.
3. *Зайка В.В.* Глухівські мотиви вірша В. Нарбута «Левада» // Сіверщина в історії України. Київ: Глухів, 2011. Вип. 4. С. 356–358.
4. *Нарбут В.И.* Стихотворения / вступ. ст., сост. и примеч. Н. Бялосинской и Н. Панченко. М.: Современник, 1990. 445 с.
5. Словарь української мови: в 4 т. / за ред. Б. Грінченка. Київ: Друк. акційного товариства Н.Т. Корчак-Новицького, 1907–1909.
6. *Тименчик Р.Д.* Храм премудрости Бога: стихотворение Ахматовой «Широко распахнуты ворота...» // *Slavica Hierosolymitana*. Jerusalem: Magnes Press, Hebrew University, 1981. Vol. 5–6. С. 297–317.
7. *Besprozvany V.* “Skovoroda’s Way” in the Russian Symbolist and Post-Symbolist Tradition // *Socrates in Russia. Contemporary Russian Philosophy*. 2022. Vol. 5. P. 167–195. https://doi.org/10.1163/9789004523326_010

Research Article

“Levada” by Vladimir Narbut: An Experience of Deciphering a Complex Poem

© 2023. Oleg A. Lekmanov
National University of Uzbekistan,
Tashkent, Uzbekistan

Abstract: The article reveals Gogol’s subtexts and reminiscences in Vladimir Narbut’s poem “Levada” (an early edition is dated 1910, revised one is presumably the 1930s). The poet himself in 1913 was inclined to trace the lineage of his artistic method to Gogol and namely his novella “Viy.” Topoi and the thesaurus of the poem

in many aspects go back to the stories “Evenings on a Farm near Dikanka” and “Mirgorod,” but it also contains references to other Gogol’s texts, up to “Selected Passages from Correspondence with Friends.” Gogol’s Ukraine appears in “Levada” as a desirable land of beauty, abundance and strength. It emerges as a constant through the everyday and often frightening and repulsive picture of the modern decline of the country.

Keywords: Vladimir Narbut, N.V. Gogol, Ukraine, poetic dictionary, artistic reminiscences, analysis of poetic text.

Information about the author: Oleg A. Lekmanov — DSc in Philology, Professor, National University of Uzbekistan, 4 Universitetskaya St., 100174 Tashkent, Uzbekistan.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0784-5930>

E-mail: lekmanov@mail.ru

For citation: Lekmanov, Oleg. “‘Levada’ by Vladimir Narbut: An Experience of Deciphering a Complex Poem.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (29), 2023, pp. 266–279. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-29-266-279>

References

1. Vladimir Narbut. *Mikhail Zenkevich. Stat'i. Retsenzii. Pis'ma* [Vladimir Narbut. Mikhail Zenkevich. Articles. Reviews. Letters]. Moscow, IWL RAS Publ., 2008. 330 p. (In Russ.)

2. Gogol', N.V. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], ed. by P.V. Bykov. St. Petersburg, Moscow, Izdatel'stvo tovarishchestva M.O. Vol'f Publ., 1910. XXVIII, 968 p. (In Russ.)

3. Zaïka, V.V. “Glukhivski motivi virsha V. Narbuta ‘Levada’.” [“Glukhiv Motifs of V. Narbut’s poem ‘Levada’.”]. *Siversshchina v istorii Ukraini* [Siversshchyna in the History of Ukraine], issue 4. Kyiv, Glukhiv Publ., 2011, pp. 356–358. (In Ukrainian)

4. Narbut, V.I. *Stikhotvoreniia* [Poems], introd. article, comp. and notes by N. Bialosinskaia and N. Panchenko. Moscow, Sovremennik Publ., 1990. 445 p. (In Russ.)

5. Grinchenko, B., editor. *Slovar' ukrains'koi movi: v 4 t.* [Dictionary of the Ukrainian Language: in 4 vols.]. Kyiv, Drukarnia akcyjnego tovarystva N.T. Korchak-Novyc'kogo Publ., 1907–1909. (In Ukrainian)

6. Timenchik, R.D. “Khram premudrosti Boga: stikhotvorenie Akhmatovoi ‘Shiroko raspakhnuty vorota...’” [“Temple of the Wisdom of God: Akhmatova’s Poem ‘The Gates are Wide Open...’”]. *Slavica Hierosolymitana* [Slavica Hierosolymitana], vol. 5–6. Jerusalem, Magnes Press, Hebrew University Publ., 1981, pp. 297–317. (In Russ.)

7. Besprozvany, Vadim. “‘Skovoroda’s Way’ in the Russian Symbolist and Post-Symbolist Tradition.” *Socrates in Russia. Contemporary Russian Philosophy*, vol. 5, 2022, pp. 167–195. https://doi.org/10.1163/9789004523326_010 (In English)

Статья поступила в редакцию: 22.05.2023

Одобрена после рецензирования: 14.06.2023

Дата публикации: 25.09.2023

The article was submitted: 22.05.2023

Approved after reviewing: 14.06.2023

Date of publication: 25.09.2023